

А. Филимонов

**О наказании по законодательству Петра
Великого, в связи с реформой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Филимонов**
О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой / А. Филимонов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 465 с.

ISBN 978-5-458-12224-5

О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. Историко-юридическое исследование Александра Филиппова, приват-доцента Императорского Московского Университета

ISBN 978-5-458-12224-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Разъ задачею изслѣдованія являлось изученіе *законодательства* Петра В. о наказаніи, само изслѣдованіе, въ основной своей части, естественно, распалось на изученіе вопроса о наказаніи *по указамъ и по В. Уставу*, такъ какъ тотъ и другой первоисточникъ, содержащій начала наказанія эпохи, стоялъ особнякомъ другъ отъ друга—въ одномъ развивались начала *своего* права, въ другомъ проведены были начала *иноземныя*. Безъ преувеличенія можно сказать (какъ это ясно изъ данныхъ приводимыхъ нами во 2-й и 3-й части нашего изслѣдованія), что, поскольку дѣло идетъ о наказаніи, начала перваго стоятъ, въ общемъ, выше, чѣмъ начала втораго...

Изслѣдованію началъ наказанія, по законодательству эпохи, мы предпосылаемъ краткій *общій* очеркъ *основныхъ* началъ петровскаго законодательства. Это казалось намъ необходимымъ сдѣлать во 1-хъ потому, что нерѣдко между карательною и установительною частью законодательнаго движенія при Петрѣ В. чувствуется живое взаимодействіе, а во 2-хъ потому, что, при всемъ обилии и разнообразіи мѣръ принужденія въ законахъ эпохи, этими мѣрами не исчерпывалось, да и не могло исчерпываться, конечно, *все содержаніе* законодательства. Умолчать о послѣднемъ—только потому, что оно не всегда можетъ быть поставлено въ прямую связь съ вопросомъ о наказаніи, значило-бы, на нашъ взглядъ, нѣсколько односторонне изобразить эпоху. Чтобъ избѣжать, по возможности, этого, мы и предпосылаемъ нашему изслѣдованію о наказаніи, краткій очеркъ реформы въ ея общемъ и многостороннемъ развитіи...

Замѣтимъ еще слѣдующее. Въ первой части нашего изслѣдованія, мы старались вездѣ установить отношеніе *основныхъ* началъ законодательства Петра В. къ таковымъ-же началамъ до него и *послѣ* него. Къ сожалѣнію, этого метода нельзя было вполне держать въ тѣхъ частяхъ изслѣдованія, которыя касались во-

X

проса о наказаніи. Здѣсь, устанавливая связь петровскаго законодательства съ дѣйствовавшимъ *до него*, мы не могли слѣдить за дальнѣйшею судьбою началъ наказанія, введенныхъ Петромъ В., такъ какъ эти начала послѣ Петра В., до конца XVIII вѣка, видоизмѣнялись, по преимуществу, путемъ отдѣльныхъ узаконеній (если не считать Наказа Екатерины II), изслѣдованія коихъ, въ общемъ, пока совсѣмъ почти не сдѣлано. Такъ какъ нашею цѣлію было лишь изученіе законодательства Петра В. о наказаніи, то особое изслѣдованіе массы узаконеній, явившихся послѣ него, представлялось совершенно невозможнымъ...

ЧАСТЬ I.

Общій очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства.

I.

Наше изслѣдованіе имѣетъ цѣлю изученіе законодательства Петра Великаго главнымъ образомъ по отношенію къ вопросу *о наказаніи*. Несомнѣнно, однако, что эта спеціальная цѣль изслѣдованія можетъ неволью наложить особый отпечатокъ на представленіе о самомъ этомъ законодательствѣ, если такому изслѣдованію не будетъ предпослано очерка, гдѣ реформа разсматривалась бы въ ея *общемъ* и многостороннемъ развитіи. Невѣрность освѣщенія богатаго матеріала законодательной работы эпохи, при подобной спеціальной задачѣ изслѣдованія, особенно возможна потому, что, изслѣдуя *начала наказанія*, приходится останавливаться лишь на тѣхъ актахъ законодательства, въ коихъ эти начала нашли себѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, наиболѣе яркое выраженіе. Однако, по самому существу дѣла, если не всегда, то довольно часто, эти акты созданы либо въ предвидѣніи борьбы, либо даже въ пылу ея; какъ таковые, они, конечно, отражали жизнь очень односторонне, хотя и характерно. Довольствоваться *только или* при изученіи эпохи—значитъ отказаться отъ попытки пониманія хода законодательства въ его мирномъ и постоянномъ теченіи. Несмотря на *боевой* характеръ эпохи, законы мирнаго свойства, гдѣ реформаторъ дѣйствовалъ не угрозами каръ, а культурными средствами, являлись въ изобиліи при Петрѣ В. Интересно отмѣтить ту характерную особенность ихъ, что они часто сопровождались откровеннымъ и подробнымъ *изложениемъ* причинъ, кои заставили законодателя принять ту или иную

мѣру, ввести въ жизнь тотъ или иной принципъ. Эта мотивировка важнѣйшихъ мѣръ Петромъ В. ясно показываетъ, что онъ пытался привить ихъ къ жизни путемъ убѣжденія, путемъ сознательнаго, а не насильственнаго усвоенія того, что вводилось. По этому превосходство вводимаго надъ уничтожаемымъ перѣдко доказывалось (по крайней мѣрѣ—по мнѣнiю законодателя) такъ, что «враждебнику»,—говоря словами «Правды воли Монаршей», оставалось соглашаться, что ему противъ новаго «не токмо... трудно, аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути (т. е. рта разинуть) отнюдь (онъ) не можетъ»... ¹⁾ Правда, «толкая доводовъ сила» очень часто не оказывала вовсе желательнаго воздѣйствiя на подданныхъ и послѣднiе оставались при своихъ прежнихъ взглядахъ на относительную цѣнность новаго и стараго, уничтожаемаго, такъ что Петру, чтобъ отстоять свое, приходилось затѣмъ прибѣгать уже къ мѣрамъ совсѣмъ инаго характера. Но уже одно это обращенiе къ сознательному, а не только пассивному повиновенiю всему вводимому, само по себѣ заслуживаетъ вниманiя, такъ какъ живописуетъ предъ нами воспитательную сторону реформы, борьбу за нее путемъ мирныхъ культурныхъ средствъ. Оставить совершенно безъ изученiя эту сторону дѣла лишь потому только, что она не даетъ матеріала для спеціальнаго цѣли нашей работы—значило бы, по нашему убѣжденiю, потерять многое для пониманiя общаго духа законодательства эпохи.

¹⁾ Эти слова находятел въ концѣ „Правды воли Монаршей“, гдѣ Теофанъ Прокоповичъ, истощивъ всю силу своей эрудици и краснорѣчiя, приходитъ къ убѣжденiю что защищаемыя имъ положенiя (относительно принципа „произволенiя“ царствующаго Государя въ дѣлѣ назначенiя наслѣдника престола) настолько неопровержимы, что лицо противоположнаго образа мыслей, „враждебникъ“,—какъ онъ выражается—„узрьвъ бо толкую доводовъ силу и толкий свидѣтелей об-лакъ отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ вѣрнаго слова Божiя, не токмо видитъ, что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути не можетъ“ (VII, № 4870, стр. 642). Теофанъ въ данномъ случаѣ жестоко ошибел:—вся „доводовъ сила“, потраченная имъ, ничего не убѣдила и въ концѣ концовъ привела къ уничтоженiю принципа усмотрѣнiя въ дѣлѣ престолонаслѣдiя.—Указанная цитата взята изъ VII тома I-го Полнаго Собранiя Законовъ Р. Имперiи. Для удобства цитированiя и въ дальнѣйшемъ изложенiи мы будемъ держаться той же системы ссылокъ на I. П. С. Э.: въ скобкахъ будетъ указываться томъ собранiя, № указа, страницы (въ обширныхъ узаконенiяхъ) и т. д., безъ особаго обозначенiя самого памятника.

Чтобъ избѣжать этого—необходимо изслѣдованію о наказаніи предпослать общую характеристику важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Петра В. съ точки зрѣнія тѣхъ *основныхъ принциповъ*, какіе въ нихъ были положены, остановившись болѣе подробно на тѣхъ изъ этихъ актовъ, кои имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ нашему изслѣдованію. Извѣстенъ между этими актами рядъ такихъ, которые были встрѣчены обществомъ того времени отрицательно, возбудивъ противъ себя не только неудовольствіе, но даже и открытое сопротивленіе. На приведеніи въ исполненіе этихъ актовъ и развивалась правительственная практика принужденія, нашедшая въ мѣрахъ наказанія орудіе, посредствомъ котораго то съ успѣхомъ, то мало или вовсе безуспѣшно, населеніе призывалось идти по пути, указанному реформаторомъ. Несомнѣнно, что законодательные акты этой категоріи заслуживаютъ преимущественнаго вниманія съ нашей стороны, такъ какъ именно защищая ихъ, реформаторъ пользовался наказаніемъ, какъ наиболѣе пригоднымъ средствомъ, чтобы сломить упорствующихъ, повліять на колеблющихся и т. д. Но, повторяемъ, для полноты очерка, мы коснемся здѣсь не однихъ только этихъ актовъ, а также и всѣхъ другихъ важнѣйшихъ. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что нашъ очеркъ будетъ представлять обзоръ этихъ актовъ преимущественно на основаніи матеріаловъ самой эпохи и коснется сравнительно меньше существующихъ литературныхъ характеристикъ и оцѣнокъ реформы Петра В. Литература эта такъ велика ²⁾, во взглядахъ ея главнѣйшихъ представителей еще такъ много спорнаго, что изученіе ея должно составить, по справедливости, предметъ *особаго* обширнаго изслѣдованія, которому не можетъ быть мѣста въ специальной работѣ, подобной нашей. Говорить же о реформѣ только со словъ однихъ историковъ, безъ особаго критическаго разбора и классификаціи ихъ мнѣній—значитъ повторять всѣмъ извѣстное. Поэтому мы и коснемся здѣсь этихъ мнѣній лишь по столбу, по скольку они будутъ отвѣчать объясненію тѣхъ или иныхъ чисто фактическихъ данныхъ нашего очерка.

²⁾ См. обширныя библиографическія указанія по данному вопросу въ прекрасномъ очеркѣ *Е. Ф. Шмураго*—„Петръ Великій въ русской литературѣ“ С.-Петербургъ 1889 г.

Петровская реформа, какъ извѣстно, не была реформою одностороннею, направленною на реорганизацію одной какой-либо области государственной или общественной жизни. Наоборотъ, одну изъ ея слабыхъ сторонъ представлялъ, можетъ быть, именно ея универсальный характеръ, благодаря которому *все* было такъ или иначе задѣто ею, хотя далеко не все перестроено по планамъ великаго Императора. Этотъ универсальный характеръ реформы, заставившій еще одного изъ ея современниковъ (Неплюева) сказать, что «на что въ Россіи не взгляни, все его (Петра) *началомъ имѣетъ* и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего *источника* черпать будемъ»—дѣлаетъ необходимою извѣстную группировку мѣропріятій Петра В. Последнія касались либо тѣхъ или иныхъ сторонъ быта государственнаго, либо быта частнаго, гражданскаго. Въ области перваго реформа подняла и своеобразно разрѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи, о реорганизаціи центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, сословій, податной системы. Остановимся сначала на характеристикѣ мѣропріятій Петра В. въ области права государственнаго и прежде всего по отношенію къ вопросу о престолонаслѣдіи. Этотъ вопросъ представляетъ интересъ потому, что проработка мысли, глубокое пониманіе историческихъ традицій было здѣсь не на сторонѣ всесильнаго законодателя, а на сторонѣ безсильно протестующихъ и гибнущихъ за свой протестъ простыхъ русскихъ людей. Личное чувство раздраженія противъ сына, внесенное въ вопросъ общегосударственной важности, помѣшало Петру В. видѣть всю опасность примѣненія принципа произволенія царствующаго государя къ избранію наслѣдника престола ³⁾. Неудовольствія подданныхъ противъ устава о наслѣдіи

³⁾ Этотъ принципъ, какъ извѣстно, утверждается уставомъ о престолонаслѣдіи 5 февр. 1722 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ; „чего для за благоразсудили мы сей уставъ учинить, дабы сіе всегда было въ воли *Правительствующаго Государя*, кому оный *хочетъ*, тому и *опредѣлитъ* наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство *наки отмытитъ*, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость какъ выше писано; имѣя сію узду на себя“ (VI, № 3893). Въ заключеніи устава сказано: „того ради повелѣваемъ, дабы всѣ наши вѣрные подданные, духовные и мірскіе безъ изыятія, сей нашъ уставъ передъ Богомъ и Его Евангеліемъ утвердили на томъ основаніи, что всякъ, кто сему будетъ, противецъ, или иначе какъ толковать станетъ; тотъ за *измыслика* *почтенъ*, смертной казни и церковной клятвѣ *подлежитъ* будетъ“.

при жизни Петра, и особенно смуты, порождавшіеся имъ, послѣ его смерти, во весь XVIII в., до изданія закона Императора Павла 5 апр. 1797 г., служить неоспоримымъ свидѣтельствомъ, какъ неудачна была попытка Петра, взамѣнъ исторически выработавшагося порядка престолонаслѣдія, поставить нѣчто иное. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Извѣстно, что манифестомъ отъ 3 февраля 1718 г. Петръ В. устранилъ царевича Алексѣя отъ престолонаслѣдія ⁴⁾—«*сожалѣя о государствѣ своемъ и о вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя, наипаче прежняго, въ худое состояніе не были (они) приведены...*» (V, № 3151). Лишеніе это состоялось «*властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, (здѣсь имѣется въ виду уставъ 1714 г. о единонаслѣдіи) и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишитъ, и другому сыну, которому захочетъ, оное опредѣлитъ воленъ, и яко Самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго*». Несомнѣнно, что *de jure* Петръ Великій былъ вполне воленъ въ назначеніи себѣ преемника, такъ какъ не существовало никакого закона, который связывалъ бы его по отношенію къ этому назначенію; какъ самодержавный государь, онъ былъ вправѣ распоряжаться престоломъ, что и высказалъ въ этомъ манифестѣ (ссылка на гражданское право едва ли что-либо оправдывала, да и не была вовсе нужна въ данномъ случаѣ). Но уставъ о наслѣдіи 5 февраля 1722 г., гдѣ Императоръ между прочимъ напоминаетъ, «какою авессаломскою злостью надмененъ былъ сынъ нашъ Алексѣй», вскрываетъ предъ нами и другую сторону вопроса—именно *ту*, что въ данномъ случаѣ Императору пришлось считаться не съ однимъ правомъ, *но и съ обычаемъ* и этотъ-то обычай былъ противъ него по весьма разумнымъ и вѣскимъ основаніямъ. Народное сознаніе было за издавна сложившійся порядокъ наслѣдія по праву первородства, какъ за порядокъ простой и не вносящій смутъ въ во-

⁴⁾ Фактическія данныя по дѣлу царевича Алексѣя см. у Соловьева—Исторія Россіи т. XVII, изд. 3, глава II; мы не будемъ касаться здѣсь ихъ, интересуясь вопросомъ лишь съ точки зрѣнія принципиальной.

прось столь первостепенной важности. Петръ В., вѣроятно справедливо полагалъ, что «авессаломская злость» и «нераскаяніе» въ его сынѣ (не касаемся вопроса о томъ, насколько было основательно обвиненіе ц. Алексѣя въ томъ и другомъ) «не для чего инаго (т. е. не изъ чего инаго) у него *взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому (т. е. старшему) сыну наследство давали; къ тому же одинъ онъ тогда мужска пола нашей фамилии былъ, и для того, ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ; сей недобрый обычай* не знаю для чего такъ былъ затвержденъ: ибо не точію въ людяхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали *отмѣны* ⁶⁾, но и въ святомъ писаніи (ихъ) видимъ (VI, № 3893). «Отмѣны», несомнѣнно, бывали, но «старый обычай» «такъ былъ затвержденъ» *недаромъ*—благодаря ему, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшался просто и опредѣленно, не дѣлаясь игрушкою въ рукахъ партій и не эксплуатируясь во вредъ народный. Какъ велико было сочувствіе народное къ этому «обычаю старому» видно уже изъ того, что Петръ В. принужденъ былъ не разъ объясняться подробно по поводу этой «отмѣны» (ман. 1718 г., уставъ 1722 г.), причемъ въ знаменитой «Правдѣ воли Монаршей» это объясненіе разрослось въ цѣлый ученый трактатъ, въ которомъ европейскіе «изряднѣйшіе законодатели», «экземпли»—«отъ исторій человѣческихъ», «отъ исторій священнаго писанія», доводы «отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ» и т. п. соревновали другъ съ другомъ, чтобъ убѣдить русскихъ людей въ превосходствѣ новаго порядка надъ старымъ и доказать, что «упрямому прекословцу ничтоже ино рцы остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе... (VII, стр. 643). Но «совѣсти страданіе», разъ человѣкъ не убѣждался «толикой доводовъ силою», наступали именно тогда, когда приходилось повиноваться тому, чему нельзя было повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть. Отъ подданныхъ требова-

⁶⁾ Изъ Русской Исторіи уставъ указываетъ такую «отмѣну»: „въ лѣто 7006. февраля въ 4 день Князь В. Иванъ Васильевичъ учинилъ по себѣ наслѣдника внука своего Князя Дмитрія Ивановича, и *отпчанъ былъ на Московъ...* а въ лѣто 7010 апрѣля въ 11 день В. Князь Иванъ Васильевичъ *разильился* на внука своего Кн. Дмитрія и *не велелъ его поминать въ церквахъ В. Княземъ* и посадилъ его за караулъ, и тогоже апрѣля въ 14 день *учинилъ наслѣдникомъ сына своего Василия.*“

лась присяга новому порядку престолонаслѣдія—они повиновались, но, говоря словами Соловьева,—«въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось сопротивленіе. Раскольники толковали: «взялъ (царь) за себя Шведку и та царица дѣтей не родить, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать и крестъ цѣлуютъ за Шведа, одноконечно, станетъ царствовать Шведъ». Монахи говорили: «видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, знамо къ царевнѣ, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ, а нынѣ прилаживаютъ руки, *кого онъ*, государь, изволить выбрать»: Тарскіе жители не пошли къ присягѣ; возмутилъ ихъ полковникъ Иванъ Нѣмчиновъ, казакъ Иванъ Подуша, Петръ Богачевъ, Дмитрій Вихоревъ, Василій Исецкій. Въ Тару для розыска пріѣхалъ изъ Тобольска полковникъ Батасовъ, въ Инструкціи котораго было сказано, чтобъ не ожесточать сопротивляющихся, не заставить ихъ разбѣжаться. Вслѣдствіе этого Батасовъ освободилъ Подушу изъ заключенія, отдавъ на поруки. Но кротость не помогла. Богачевъ, первый заводчикъ смуты, ушелъ, а Нѣмчиновъ съ 60-ю человекѣми заперся въ хоромахъ; 49 человекъ онъ выпустилъ, а съ остальными *поджогъ подъ собою порохъ*, но не удачно; всѣ были взяты живые; Нѣмчиновъ и 4 человекѣ, наиболѣе пострадавшіе отъ взрыва, умерли, но остальные выздоровѣли» (Ист. Россіи, XVIII, изд. 3, стр. 235). До насъ дошла въ высшей степени интересная надпись, сдѣланная нѣкимъ подъячимъ Докукинымъ на печатномъ «клятвенномъ обѣщаніи», которое всюду тогда раздавалось и въ которомъ подданные клялись «его царскаго величества опредѣленія (относительно лишенія престола ц. Алексѣя) *за правдивое признавать*» и «опредѣленнаго въ наслѣдство» царевича Петра Петровича *)

*) Какъ извѣстно, въ манифестѣ 1718 г. о лишеніи престола ц. Алексѣя, объявлялось о назначеніи наслѣдникомъ престола «другаго сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо ипаго возростаго наслѣдника не имѣемъ» (V, № 3151 стр. 538); въ уставѣ о наслѣдіи 5 февр. 1722 г. не говорится уже о какомъ-либо опредѣленномъ наслѣдникѣ, а только о принципѣ «воли Правительствующаго Государя» (VI, № 3693). Это очень характерно для пониманія вопроса—значить Петръ В., начиная съ лишенія негоднаго ему лица престола (что еще попятно ввиду его отношенія къ сыну, болзни за судьбу реформы) т. е. съ того, чему бывали «экземпли» въ древности, пошелъ затѣмъ далѣе и установилъ *новый*, съ точки зрѣнія обычая, принципъ наслѣдованія по произволенію царствующаго государя вообще.

почитать «за истиннаго наслѣдника». Прочитавъ «обѣщаніе», Докукинъ написалъ на немъ слѣдующее: «Св. Пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызаю пынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а за *неповинное отлученіе и изгнаніе Всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго Государя Цесаревича Алексѣя Петровича* христіанскою совѣстью и судомъ Божиємъ и Пресвятымъ Евангеліемъ *не клянусь* и на томъ животворящаго креста Христова *не цѣлюю* и собственною рукою *не подписуюсь*; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти свидѣтельство изрядное, *хотя за то и царскій гнѣвъ намъ произліется*, буди въ томъ воля Господа моего І. Христа, по воли его святой *за истину* азъ рабъ Христовъ Иларіонъ, по реклу Докукинъ, *страдати готовъ*... Затѣмъ 2 марта 1718 г. въ Воскресенье православія, Докукинъ отправился въ Преображенское, гдѣ, въ церкви и подалъ Петру В. вышеозначенное отрицаніе отъ клятвы; чрезъ 2 недѣли онъ былъ приговоренъ къ колесованію... ¹⁾ Нѣтъ нужды преувеличивать значеніе этихъ протестовъ, такъ трагически кончавшихся для приверженцевъ стараго порядка вещей, но нельзя не отмѣтить ихъ, какъ характернаго явленія времени, не разъ проявлявшагося по отношенію къ тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ Петра В...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ вопросовъ государственнаго права, поднимавшихся, а затѣмъ такъ или иначе разрѣшавшихся Петромъ В., вопросъ о престолонаслѣдіи былъ единственнымъ, въ коемъ замѣшалось и личное чувство, и особая торопливость въ постановкѣ и рѣшеніи. Изученіе другихъ свидѣтельствуетъ положительно о совершенно обратномъ—въ нихъ вездѣ чувствуется и всестороннее пониманіе нуждъ и интересовъ родной страны, и широкая государственная мысль, и горячее служеніе общему благу. Что это такъ, достаточно, хотя кратко, всмотрѣться въ тѣ основные принципы, какіе были положены великимъ Императоромъ въ переустройство государственныхъ учрежденій; достаточно вспомнить, какую горькую подчасъ судьбу имѣ-

¹⁾ „Раскольниковы дѣла XVIII столѣтія“—Г. Есимова, (т. I, Сиб. 1861, стр. 157 сл.)